

Моя партнёрша по танцам Люба Крыжевских

В школьные годы я научился танцевать, будучи ещё в восьмом классе. И потом, до начала войны, много танцевал на школьных вечерах и балах для старшеклассников в нашем Ленинградском Дворце Культуры.

Судьба забросила меня поздней осенью 1942 года в трудармию в южно-уральский шахтёрский городок Копейск и по счастливой случайности в „Спецконтору по тушению подземных пожаров“, располагавшуюся почти в самом центре города. Поскольку шахт в Копейске было много, а работали мы посменно, то кто бы и как бы стал нас водить или возить на лошадях под автоматами? Попробовали - нажало начальство „сверху“. Нашу общагу обнесли проволочным забором, а у входа посадили мужичка с берданкой. Но потом, видимо, начальник нашей Спецконторы доказал раздолбаям из секретных служб, что мы всё равно так или иначе весь день находимся на свободе, на своих рабочих местах чёрт-те где в огромных пределах разбросанного Копейска, и к каждому из нас часового не приставишь. Через несколько дней постовой с берданкой исчез и больше в нашем общежитии охраны не было.

Но я хочу подчеркнуть, что положение немцев в Спецконторе, вызванное самим характером работы, было исключением. Все остальные немцы в нашем Копейске жили в закрытых „зонах“ под вооружённой охраной и выбраться оттуда куда-либо было практически невозможно. Неподалёку от нас была зона шахты 7/8. Мы постоянно видели, как из её ворот на работу на шахту строим выводили очередную смену трудармейцев в сопровождении автоматчиков и немецких овчарок и точно так же приводили с работы.

Не очень далеко от нашего общежития находился огромный Городской Сад, в котором росли, в основном, толстые тополя, было очень зелено, много цветов, а летом и полно посетителей.

Из спецконторских немцев я был единственным горожанином, а поскольку в нашем общежитии не было охраны, то я мог совершенно свободно по вечерам сбежать в Горсад на танцплощадку. Там во время войны вечерами собиралось избранное общество, не то, что потом. Это были эвакуированные из Горловки, Бердянска, а также и из других городов запада России, работавшие на заводах Копейска. Они были хорошо одеты, красиво причёсаны; это были типичные городские интеллигенты, которым просто некуда было деваться по вечерам, кроме этого красивого, пышного, зелёного сада, в центре которого располагалась танцплощадка с очень скромным и невысоким барьерчиком по кругу. Тогда она ещё не загораживалась от безбилетников четырёхметровой железной оградой чуть ли не с колючей проволокой, как годы спустя. Публика ещё была приличная, через барьерчик не прыгала, честно покупала входные билеты.

Не было здесь пьяных побоищ и невообразимых хулиганств, как потом. И играл здесь на эстраде обыкновенный духовой оркестр. И танцевали на площадке обыкновенные человеческие танцы, никаких микрофонов и усилителей на тысячу ватт тогда ещё не придумали и не стоял грохот, как от артиллерийской пальбы.

На площадке желающие танцевали, а внизу вокруг по кольцевой дорожке ходила остальная публика. Это даже чем-то напоминало фойе большого городского театра. Сюда приходили целыми семьями.

Когда весной 1943 года на очередной летний сезон открылся Городской Сад с танцплощадкой, одеть мне было совершенно нечего. На работу я ходил в ватных брюках и фуфайке, на ногах у меня были грубые рабочие ботинки, а летней одежды у меня фактически и не было. Покупал себе входной билет и по кустам пробирался поближе к танцплощадке. Стоял там, притаившись, в темноте кустов, глядел на кольцо публики, вращавшейся вокруг и слушал, слушал музыку. Вальсы, краковяк, танго и фокстрот, которые тогда официально называли „медленный“ и „быстрый“ танец - почему-то слова „танго“ и „фокстрот“ тогда были запрещены - а сердце в груди у меня то замирало при воспоминании совершенно недавнего прошлого в Ленинграде, то учащённо билось при мысли, что мне туда нельзя, потому что я - проклятый немец...

А сюда, на площадку, куда бы я охотно прошёл, мне не в чем было идти. Вот и стоял в кустах, пока не закончится музыка и народ не начнёт расходиться по домам...

Попозже нам выдали летние спецовки. В таком виде я уже мог решиться и не залезать в кусты. Поскольку на танцплощадке в основном-то была молодёжь, значит, даже и моложе меня - мне было всё-таки уже за 20 - а молодёжь была в основном рабочая и одеться-то ей во что-то особенное возможности тоже не было. Танцевали девушки в скромных платьицах, кофточках и наверное именно в это время появилась мода на резиновые сапожки. Они были сравнительно дешёвы и доступны, а выглядели по тем временам нарядно. Так что неудивительно, что многие из девчонок тогда на танцы одевали эти полусапожки.

Возможно, именно летом 1943 года и я решил выйти на танцплощадку в своей новой спецовке. Приметил я тогда здесь одного мощного молодого парня, потом оказалось, что он бывший моряк Черноморского флота. Раз мы разговорились и с ним и так познакомились. Кажется, звали его Фёдором, и он тоже был немцем из соседней зоны шахты 7/8. Он умудрялся сбегать в Горсад даже оттуда, из зоны!

Парень был решительный и прямой. Тогда он был единственным немцем, которого я изредка встречал здесь на площадке. „Всё равно я отсюда сбегаю домой в Одессу“, - говорил он мне. - „Лучше в тюрьму пойти, чем сдохнуть здесь в шахте...“.

Так и исчез вскоре Федя с танцплощадки навсегда. Может, на самом деле бежал из зоны домой в Черноморье.

В эти же времена я постепенно начал знакомиться - пока заочно - с копейской публикой. Многие девушки стали примечаться мною - я стал обращать на них внимание. Так, например, нередко среди остальной молодёжи появлялась девушка невысокого роста, краснощёкая с округлёнными чертами лица, довольно хорошо одевавшаяся и всегда в кругу весёлой молодёжи. Ничего особенного в ней не было, и интересовался я ей, в сущности, не больше, чем другими.

Но как-то раз зимой 1944-45 годов я шёл вечером из Спецконторы на танцы. Было уже поздно, около 11-ти часов, и я решил идти в Горноспасательную - у них был свой небольшой клуб. Проходя по проулку у Треста, я заметил идущую мне навстречу девушку с туфлями подмышкой.

„С танцев“, - решил я.

Когда мы поравнялись, я узнал в ней ту девушку невысокого роста с красными щеками.

- Вы, наверное, из Горноспасательной? - спросил я, останавливаясь. Девчонка тоже встала.

- Да, но там всё кончилось, - ответила она.

- Ну что ж, в таком случае пойдём во Дворец Культуры Угольщиков? - предложил я.

- А я туда и иду.

И мы пошли вместе. Так мы в сущности и познакомились. Звали эту девчоночку Любой. Фамилию её „Крыжевских“ я узнал случайно значительно позже, когда Любы в Копейске уже не было. А тогда мы шли и болтали с ней о разных пустяках, о которых болтают в таких случаях.

Когда мы пришли во Дворец Угольщиков, танцы были в полном разгаре. Нас раздели в гардеробе безо всякого - билетов у нас, конечно, никаких не было, да и не продавали уже нигде - полдвенадцатого ночи - но у Любы везде были знакомые, все ей приветливо улыбались и никто у нас ничего не спросил. Мы прошли в танцзал, Люба вперёд, я за ней. Контролёры даже и не взглянули на нас.

Партнёрша моя танцевала весьма недурно, чем я остался очень доволен. Это были наши первые с ней танцы. Выяснилось, что и Люба меня давно примечает. И после этого танцевали мы с ней очень много. Практически только друг с другом, если оказывались вместе на танцплощадке.

Люба знала всех, она была урождённой копейчанкой, по натуре очень весёлая, покладистая, компанейская, ну и её тоже все знали. Вскоре она познакомила меня с очень многими копейчанами с танцплощадки и Дворца Культуры, танцорами и любителями театра. Многие мне уже и до этого давно примелькались, а теперь я их знал по именам. Были действительно и очень хорошие девушки и парни, которых я и в будущем не выпускал из виду многие годы.

Я давно примечал одну очень дружную пару, явно влюблённых друг в друга. Это оказались Тамара и Саша - они часто бывали на танцах, в театре, ходили вместе в кино, гуляли по Ленинской - улица Ленина, центральная улица города, была и в те годы очень зелёным и излюбленным местом для прогулок у молодёжи. Вдоль этой улицы располагались

немногочисленные тогда ещё в городе двухэтажные дома. Сам я несметное число раз прошёл по Ленинской из конца в конец.

Тамару и Сашу я встречал ещё перед самым своим отъездом из Копейска в 1981 году. К тому времени они занимали какие-то видные должности: она заведовала одним из крупных магазинов, а он был художником на одной из шахт. Но для меня они остались такими же милыми симпатичными людьми, как почти сорок лет тому назад, когда я их встретил впервые. В те далёкие годы, встречая их, я часто испытывал чувство зависти и мне было грустно, что у меня у самого нет такой подруги.

Однажды летом 1945 года я был в Челябинске по делам. Для этого мне, ссыльному немцу, выписывали пропуск, хотя меня всегда и везде выручал безупречный и безакцентный русский язык, каковым не могли похвастаться ссыльные из Поволжья немцы-трудармейцы. В то время проблема поехать в Челябинск и вернуться была не очень простой. Автобусного движения не было, а поезд делал большой крюк через Потанино и ходил всего лишь раза три в день. Можно было попытаться уехать на попутке, что часто и делали.

В Копейске попуток ждали у переезда через железную дорогу возле ресторана „Горняк“ - это была как бы неофициальная остановка. Понятно, водителям платили и они были заинтересованы. В послевоенные времена дорога в Челябинск стоила примерно 10-20 рублей. Но на попутке проще было уехать из Копейска, чем назад.

Закончив свои дела в головной организации - комбинате „Челябинскуголь“ - я сел на попутный трамвай и доехал до кольца. Отсюда до Копейска было ещё километров 10-12. Мне это ничего не стоило и я собрался дальше идти пешком. А тут откуда ни возьмись появилась Люба. Она тоже была в Челябинске и возможно даже приехала со мной на одном трамвае.

Я предложил ей прогуляться до дому пешком и мы отправились в путь. Сколько мы шли - я уж не помню, а у Любки всегда было о чём поговорить, порассказать, да и у меня язычок не был привязан. Так мы и не заметили, как пришли в Копейск. Уже смеркалось, и тут я предложил Любе пойти на танцы. Она обещала и пошла домой, якобы переодеваться.

Я и на самом деле пошёл на танцы. Но Люба не пришла. Я думаю, что она просто человечески устала от нашей прогулки, а мне было хоп что.

Надо к тому же заметить, что я ещё со школьных времён был большим любителем волейбола, а за Дворцом Культуры довольно регулярно по вечерам играли в волейбол, причём собирались сюда волейболисты городского масштаба. Играли увлечённо до самой темноты, пока мяч было видно. А после этого я шёл ещё и на танцы.

Это был распорядок моей жизни до самой женитьбы в 1953 году. Я всё смеялся про себя, да и приятельницам своим не раз говорил, что видно меня и похоронят-то либо с волейбольной площадки, либо с танцев.

В те времена в течение нескольких лет я регулярно вёл дневник и потому часть из того, что здесь написано, переписана из дневников практически без изменений. Например: „Август 1945 года. Опять обычный копейский вечер. Иду в Горсад после волейбола. Долго у меня было нечего одеть на ноги для танцев и я месяца три на танцы в Сад не ходил. Иногда я встречал Любу в городе, она удивлялась, что так долго не видела меня на танцах - не мог же я ей сказать, что мне нечего надеть!

И вот тут, встретив её снова в Саду, я очень обрадовался и она, наверное, не меньше меня. И мы опять вместе пошли на танцплощадку“.

С тех пор мы ходили туда с ней чуть ли не каждый день, хотя из разговоров я понял, что и Люба до этого редко ходила на танцы. Конечно, кроме Любы там собиралась и вся наша „честная компания“ весельчаков и шутников. Среди этих ребят не было ни пьяниц, ни буянов. Были хорошие ребята, большей частью работяги с заводов и мы все как-то придерживались друг друга.

Ещё и раньше в моём присутствии у Любы справлялись о её прежнем поклоннике по имени Лазарь. О нём я практически мало что знал, Люба распространяться на эту тему не особенно хотела: это был её школьный товарищ, которого недавно взяли в армию и он находился на службе в Челябинске. Люба говорила при мне своим подругам, что иногда бывала у него и рассказывала о своих посещениях.

В последнее же время она стала говорить о нём всё меньше и меньше и заметно холоднее. Мало того, вдруг оказалось, что он иногда приезжает в Копейск на побывку и, мало ещё того, сегодня в Саду, здесь, на танцах. Тогда как она танцует со мной весь вечер. Мне это было очень

странно. Но случилось даже так, что Люба познакомила меня с ним на танцплощадке, когда он подошёл и пытался пригласить её танцевать.

Кстати, она ему тут же отказала. Был тут и ещё один молодой человек небольшого роста - Ванюша. Он работал на Машзаводе и был футболистом, входил в состав сборной города, а тогда футбол в Копейске был в большом почёте. На стадионе „Шахтёр“ за Дворцом Культуры часто проводились футбольные матчи и трибуны ломались от публики. А на старых отвалах породы по другую сторону стадиона сидели толпы бесплатных зрителей, в основном пацанье. Так что Ванюша принадлежал к числу популярных спортсменов тогдашнего Копейска.

Так вот, когда он подошёл однажды к нам после танцев и Люба меня тоже с ним познакомила, я понял, что с Ванюшей у них были какие-то дела и прежде. Люба как-то заволновалась, когда он стал намекать на наши якобы близкие отношения с ней, а однажды я получил даже нечто вроде пощёчины.

Как всегда, мы были на танцплощадке, Люба, правда, немножко запоздала, но мы уже много с ней танцевали, и стояли у барьера, когда внизу появился футболист Ванюша. По виду он явно растерялся и расстроился, увидев нас вдвоём. Он попросил Любу выйти на минутку довольно резким тоном, а она, как мне показалось, не хотела уходить. Но Ванюша явно имел какую-то власть над ней.

Люба ушла и больше не возвращалась. Сам по себе этот факт на меня не слишком бы подействовал, если бы её уход к Ванюше не был замечен нашей компанией, взоры которой обратились на меня и, чёрт возьми, я имел „бледный вид“.

Я до того разозлился на Любку, что сперва хотел вообще больше не ходить на танцы, либо с ней не танцевать, либо найти себе другую партнёршу, либо... Целая куча других планов отплатить за „оскорбление“. А потом я подумал, что никакого права на это не имею. Мы друг другу ничего не обещали, никаких совместных планов никогда не обсуждали, и даже намёков на это никаких не было.

Люба была молодая девчонка „на выданье“, а я не собирался ни жениться с последующей навечной пропиской в Копейске, ни связывать себя с кем-либо: у меня в башке была одна мечта - вернуться домой в Ленинград. Зачем же я должен был становиться помехой каким-то девушкам, в которых я не был ни влюблён, и никаких чувств особых не испытывал, кроме хорошей честной дружбы?

А вот и ещё эпизод того времени:

24 ноября 1945 года. Зашёл во Дворец, надеясь пройти в кино. Действительно, при входе удалось купить билет. Шёл фильм „Таланты и поклонники“.

Картина в общем мне понравилась. Исполнители главных ролей: Кручинина и Незнамов - особенно. Коринкина и Миловзоров в театре понравились мне больше. Шмага хорош, но в ином духе.

После кино решил снова зайти в вестибюль, посмотреть, не встречу ли кого-нибудь из знакомых. Войдя туда, я сразу заметил неразлучную пару - Сашу и Тамару. Я знаком с ними уже около года, но видел их друг без друга в исключительно редких случаях. Это что-то несовременная любовь. Я смотрю на них иногда просто с завистью.

Саше максимум двадцать, Томе, видимо, около этого, а может быть, и меньше. Они оба переживают пору первой чистой и хорошей простой любви. Прекрасная пора!

Они мне сказали, что должна придти и Люба. Я подождал, и она на самом деле вскоре пришла. Все они отправились в кино, приглашали и меня, но я-то был только что оттуда и потому, естественно, не пошёл. Люба приглашала придти в воскресенье на танцы. Я не сказал ни „да“, ни „нет“, хотя, понятно, знал, что приду.

А в воскресенье мои хозяева, у которых я уже в то время снимал комнатёнку, не достав билеты в кино, решили поужинать и пригласили меня. Посидели, выпили немного, потом ещё покалякали, добавили, и к 10 часам вечера я был уже изрядно под хмельком.

Итак, после домашнего ужина с хорошей выпивкой около 10 часов я пошёл на танцы. Пришла и Люба, как обещала. Вечер провели хорошо, всё время танцевали, около 12 пришла ещё одна пара, которая мне очень нравилась - Ира с Мишей. Оба они были высокие, стройные, красавцы, мне очень нравились. Потом они поженились, но кажется, что они вскоре уехали из Копейска, потому что были из числа эвакуированных.

Разошлись мы во втором часу ночи. Домой пришёл в два, потому что я после танцев всегда провожал Любу домой. А жила она с родителями немножко на отшибе в сторону шахты 7/8

недалеко от центральной бани. Зимой идти туда и возвращаться домой в лёгкой обуви для танцев было всегда немножко холодновато.

Но вот и 31 декабря - канун Нового 1946 года! Это последние часы 1945-го. Скоро бой часов возвестит о наступлении ещё одного Нового года, и ещё один год будет вычеркнут из жизни, как и все прошлые...

В эти последние часы в голове роится столько мыслей, столько воспоминаний - и только воспоминаний...

Почему будущее рисуется только в каких-то мрачных безнадёжных красках? Неужели мечты юности останутся только мечтами? Неужели жизнь настолько изменила всё? Что готовит мне Новый год? Суждено ли мне и его тоже провести здесь, или, может быть, удастся уехать?

Почему мои друзья, с которыми я вырос и выучился, имеют больше прав, чем я? Разве я родился не от такой же матери, как они? Справедливость. Справедливость! Но где же она?

Друзья мои ленинградцы! Я не могу быть сегодня с вами. Но верьте, я с вами! Я ни на минуту не забываю о вас и верю, что мы ещё встретимся. Пусть даже не скоро, но это будет! Судьбы наши так различны, мы все пережили эту войну далеко друг от друга, все мы не знали ничего друг о друге.

Но вот пришло время и вы вновь собираетесь вместе – в старый Ленинград начинают съезжаться его чада. Многие в разбитые дома, в пустые комнаты, всеми своими разбитыми окнами и голыми стенами напоминающими о тех радостных годах, проведённых в кругу семьи и друзей.

Многие из вас потеряли своих родных и близких, некоторым из нас уже не суждено увидеть ленинградских улиц и гранитных набережных Невы.

Вечная слава вам, дорогие товарищи, погибшие в этой жестокой войне, защищая нашу жизнь, жизнь будущих поколений...

Вечная слава героям-ленинградцам, погибшим в дни блокады! Память о вас, невинных людях, никогда не угаснет в наших сердцах...

Новый 1946 год я встречал на „новогоднем балу“ во Дворце Культуры Угольщиков. „Бал“ был организован сквернейшим образом и в основном свёлся к танцам под оркестр. Народу, конечно, было много, да и куда ещё денешься?

Откровенно, я рассчитывал, что встречу там Любу. Действительно, после нескольких танцев в зал вошла Тамара, а за ней и Люба с Сашей. Мы станцевали первый танец. Вдруг Люба, извинившись, куда-то ушла, обещая скоро вернуться. Я сразу решил, что здесь может быть замешан только „мальчик“. Тамара возражала. Минут через двадцать мы все втроём отправились разыскивать Любу. Но безуспешно - нигде, ни в фойе, ни в коридорах, ни в Малом зале в толпе гостей мы её не встретили.

Снова начались танцы в Большом зале. И тут я увидел Любу, танцевавшую с Лазарем. Я был прав! Прекрасно! Но вместе с тем и удивительно - я знал, что они с лета больше не встречаются, вроде бы в ссоре.

После танца мы опять все собрались в кучу, хотя я догадывался, что моё появление здесь ни Любе, ни Лазарю особого удовольствия доставить не могло.

Я поздоровался, Лазарь повернулся и сразу же ушёл. Люба просила его вернуться, и он пообещал. Заиграл оркестр, но Лазарь не появлялся. Танец „пропустили“.

Люба помчалась разыскивать Лазаря. Я пошёл слоняться по залам. Вскоре мы опять повстречались с Любой - найти Лазаря она не смогла. Мы пошли танцевать с ней. После танца Люба опять скрылась. А следующие танцы танцевала с другом Лазаря - видимо, нарочно избегая меня. Я стоял в стороне, приглядывая за ними и одновременно обнаружил Лазаря, слонявшегося в стороне с раскрашенной девицей сомнительной репутации.

Вскоре это заметила и Люба. Ситуация не менялась. Любе с её партнёром удалось подзвать к себе Лазаря. Она изо всех сил старалась увести его с „бала“, но он, чуть отстав от неё, смешался с толпой - и был таков.

Оркестр заиграл вальс. Люба, видя, что её старания напрасны, подошла к какой-то девушке и заговорила с ней. А я, переждав минутку, подошёл и пригласил её танцевать. Подумав секунду и решив, что отказываться будет глупо, Люба согласилась и с этого момента мы танцевали только с ней весь вечер и всю оставшуюся новогоднюю ночь. Она старалась мне

показать, что ей ужасно весело, но я сразу же заметил, что она притворяется и, конечно, не замедлил ей это сообщить.

Вообще я всегда ей говорю, что думаю - и она хорошо это знает. Странные отношения: мне всегда хочется, чтобы она была на танцах, танцевала со мной, мне с ней хорошо, а после танцев она может делать что хочет и бывать где угодно - меня это мало волнует. Знал я о её отношениях к Лазарю, знал, что они потом окончательно разошлись на почве ревности, что ли, из-за меня, наверное, знаю, что появился у неё какой-то Павлик, с которым я тоже знаком - из нашей компании - но Павлик, Ванюша и Лазарь волнуют меня лишь настолько, насколько они могут помешать мне с ней танцевать.

А Любе, конечно, нужен жених. Надо на ком-то остановиться. Вот она и мечется - от Лазаря к Ванюше, от Ванюши к Павлику и наконец ко мне. Интересно! Но не более.

Кстати, Ванюша скоро из Копейска исчез, а Лазарь ещё раньше.

Накануне 1-го мая 1946 года я решил вечером пройтись по городу. Когда я вышел из дому - а уже смеркалось - я вспомнил, что не выкупал ещё хлеб по карточкам. Я зашёл в Спецконтору. За хлебом только что уехали. В эти послевоенные времена проблема с хлебом в стране усложнилась. Магазины практически не справлялись с обеспечением населения, очереди были ужасными, и тогда стали организовывать дополнительно продажу хлеба по предприятиям. Так же и у нас в Спецконторе. Народ толпился в ожидании прибытия фургона с хлебозавода.

Простояв с полчаса у забора, я пошёл к Ленинской. По дороге мне встретился фургон с хлебом, но возвращаться я не стал - всё равно народу много, ждать придётся с час или больше. Вечер был тихий, но прохладный. Весна никак не могла окончательно побороть зиму.

Я шёл не торопясь по малолюдной улице, кое-где на столбах горели красные звёзды и немногочисленные лампочки освещали плакаты на стенах. Вдали у завода на фасаде зажигались и угасали огни какой-то надписи - праздничная иллюминация. Напротив у входа в райсовет матово светились два круглых шара.

- Вы куда это, молодой человек?

Я оглянулся. Мимо меня прошла и остановилась парочка гуляющих. Я узнал Любу - с ней был парень, которого я давно по виду знал. Люба подставила мне руку и предложила пойти с ними. Я пошёл. Оказалось, что Люба поссорилась с Тamarой, а Сашка хотел их примирить, что ли, но что-то не получилось - видно, Люба была у них в гостях, вечер не удался, Любка разлилась и пошла болтаться по улице.

И тут она подцепила этого парнишку и бродит здесь с ним. Оказалось, что его зовут Юркой, по возрасту он был моложе её, форменный мальчишка, но испорченный донельзя, вечный пьянчужка. Как потом оказалось, у него мама работала в торговой сети, и он был вечно „сыт-пьян и нос в табаке“. Мы прошли по Ленинской туда и обратно. Юрка был хорошо подпит и нёс всю дорогу всякую ерунду, мы громко смеялись. Потом Люба затянула нас на скамеечку и мы долго ещё там сидели, болтая несусветную чушь.

Наконец мне всё это порядком надоело и я решил пойти домой. Времени было уже больше 12 ночи. Напоследок Люба приглашала нас к себе домой. „Пусть уж сходит Юрка - ему не привыкать“, - подумал я.

На другой день я снова встретил его в клубе завода, куда я зашёл после кино, зная, что там танцы. Юрка, как всегда, был выпивши, подбежал ко мне как к старому знакомому и начал рассказ о своих праздничных похождениях. Оказалось, что он дома не был с 29-го числа, где-то потерял или оставил пальто, рассказывал о том, как полночи провёл у Любы после того, как мы расстались и как потом несколько раз этой же ночью менял компанию.

- Надо же пользоваться молодостью! - заявил он мне.

А мне гадко слушать то, что он говорит о танцующих здесь, о Тамаре и Саше, о Любе. Но я слушаю, улыбаюсь и поддакиваю - мне просто интересно узнать от этого человека, до чего можно докатиться и какие гадости можно говорить о своих знакомых и друзьях.

Кстати говоря, этот самый как бы никчёмный выброс - по моим тогдашним понятиям - потом поступил в Педагогический институт и, успешно окончив его, работал учителем физики в одной из центральных школ Копейска.

А вот со стены с отрывного календаря ехидно улыбается мне Майский день красной двойкой. Смейся! Я чувствую, тебе просто хочется поиздеваться надо мной. Ты доволен, конечно, что я не в духе. Ты видел это ещё вчера, когда я вечером срывал твоего

предшественника. Торопись, голубчик, твои минуты сочтены. Довольно ты поиздевался надо мной сегодня. Скоро я сорву тебя со стены и брошу в мусорный ящик, где ты погибнешь бесславной смертью, как и все предыдущие сто двадцать один день этого года.

Перестань мне подмигивать своим кривым глазом! Я уже довольно на тебя насмотрелся за день, и ты мне изрядно надоел.

Ты, может быть, хочешь знать, где я был вчера вечером? Изволь. Я был на танцах. Самых обыкновенных копейских танцах. Но я не танцевал. Правда, один танец я вертелся с какой-то сомнительной девушкой, у которой, как я заметил, правая рука до локтя была в татуировке (левой я разглядеть не мог, ибо она лежала на моём плече), а голова была повязана цветным платочком а la немка. Дело в том, что вскоре после войны в Копейске появились отряды немецких женщин из Германии. Эти женщины отработывали какую-то трудовую повинность. Их отряды ходили по улицам с места работы к месту жительства, а копейские модницы перенимали у них манеру повязывать платки и моду на причёски и платья. Это влияние было очень хорошо заметно в городе.

Больше ничего интересного у моей партнёрши я не заметил, да, по-видимому, это и были все её достоинства.

Почему я танцевал именно с ней? Ну уж извини! Это тебе, майский день, лучше знать, почему ты мне её подсунул. Однако, довольно болтать! Пора спать. Прощай! Нам больше уже не встречаться...

И вот, наверное, последнее упоминание о Любе в моих дневниках.

3 июня 1946 года.

Погода вообще в это лето стоит поганенькая. Но сегодня вечер удался. Ветра нет и вечер почти без дождя и к тому же очень тепло. Часов в девять я забрёл в Сад. Народу было не очень много по случаю понедельника, я решил сходить на танцы, сбегал домой, переоделся и возвратился.

Станцевал один танец с некой Галей Григорьевой - учительницей, была она симпатичной девочкой, мне очень нравилась, такая скромница была. Потом припёрся опять пьяный Юрка и по большому секрету стал меня убеждать, что Галя, якобы, влюблена в меня. Потом я, правда, пожалел, что он меня не убедил. Но слова Юрки тогда на меня подействовали - Галю больше я приглашать не стал. Если влюблена - пусть видит, что мне наплевать. Если нет - я тоже ничего не теряю.

А ведь на самом деле каким я был дураком. Были такие хорошие девчонки, а я выкаблучивался, мечтал о Ленинграде! Дурак! А в Ленинград-то сумел вернуться только через сорок лет...

Откуда мне тогда было знать, что действует секретный Указ Верховного Совета, по которому нам было запрещено в течение 30 лет возвращаться в места, откуда нас выслали. Да и после отмены этого Указа существовало столько препон, что вернуться в Ленинград практической возможности не было. Даже и через сорок лет.

А девчонки страдали. А вместе с ними и я.

К концу сеанса ко мне подошла Аня. В те времена на танцплощадке были сеансы, т.е. по одному билету ты танцевал не весь вечер, а только часть - сеанс. На второй надо было повторно покупать билеты.

Аня стояла рядом со мной, о чём-то болтала. Я думал, что она отойдёт. Оказалось - нет. Пришлось идти вместе за билетами, а потом на танцплощадку.

Аня - молодая, симпатичная девчонка. С ней я тоже был давно знаком. Она работала на заводе пластмасс. Этой вывеской в Копейске был замаскирован секретный военный завод по выпуску пороха. Незадолго до нашего приезда в Копейск там произошёл крупный взрыв одного из подземных цехов этого завода.

Старожилы рассказывали нам потом, что это был за ужасный день - стёкла из окон, говорят, вылетели во всём городе. Производство было очень опасное, а кроме того, женщины, которые работали в этих цехах, все были с волосами рыже-каштанового цвета из-за использования в производстве вредных химических веществ.

По цвету волос девчонок на танцплощадке уже можно было определить, кто из них работает на „Пластмассе“. Аня была как раз такой рыже-каштановой. Ну, и пошёл я с ней танцевать. Танцует она, конечно, хорошо - я и раньше знал.

После танцев проводил её домой на „Пластмасс“, где она жила в общежитии в посёлке. И всю дорогу туда - а было это километра три - она приглашала меня снова придти на танцы. Я изображал полнейшее безразличие и ничего не обещал. Хотя был уверен, что пойду. Любопытно всё же.

С того события пролетело десять дней, и я ни одного вечера дома не сидел. Танцы и танцы без конца. Деньги летели на ветер. С Аней мы были неразлучной парой. Провожая её к чёрту на кулички, домой приходил поздно и не выспался. Со стороны можно была подумать, что я безнадежно влюблён.

Но странно: я был абсолютно безразличен. Аня интересовала меня не больше всех других. Возможно, я ей нравился, или она просто хотела с кем-то провести время. Мне не жаль. А она - один из самых посредственнейших представительниц своего пола, самые пустейшие мысли - если это вообще можно назвать мыслями - узенький кругозор и полнейшая пустота. Глупо!

И мои похождения с Аней были закончены так же быстро, как и начались. Когда я приходил в Сад и встречал там Любу, то я, как обычно, танцевал весь вечер с ней и провожал её домой. Если Аня приходила позже, то ей это было не по носу, а мне наплевать.

Раз я пришёл очень поздно. На танцах почти никого не было. Я пригласил Аню. Она вежливо отказалась. Я нашёл другую партнёршу и нисколько не взгрустнул. После этого я Аню уже не беспокоил.

Люба же стала посещать Сад чаще. Дважды был и Лазарь.

Первый раз Люба просто ушла к нему; я подошёл не сразу, а немного погодя.

На следующий день Лазарь пришёл более неожиданно. Люба определённо считала, что он уехал. На этот раз, танцуя с Любой, я заметил его первым и предложил нам остановиться.

- Ну его! - был ответ.

Зато я был полностью в своей тарелке. С Лазарем, кажется, отношения становятся нормальными.

Я сразу же стал танцевать с Галей, так что потом Лазарь стал просить её у меня, предлагая мне Любу. Настроение у Любы было наисквернейшим, что замечала даже посторонняя „публика“. Я посмеивался.

Люба поделилась со мной: Лазарь стал невыносимым; столько лет его знает, и тут такая перемена. Мальчик избаловался окончательно.

Из Сада пошли вместе. Когда Люба распрощалась со мной и пошла провожать Лазаря, он даже несколько удивился. Думаю, ему была прочитана нотация.

За два с половиной года отношения наши с Любой не изменились. Так же как и прежде, танцуем, а вне танцев я не интересуюсь её поведением.

Однако, из её слов я заключаю, что кое-что обо мне до неё доходит. Из этого видно, что копейские сплетницы знают и меня. Плевал я на них.

2 августа 1946 года. Вчера мне исполнилось двадцать пять лет. Двадцать пять - это целый юбилей! Однако, как он прошёл! Даже никто не поздравил. Странно! Пожалуй, немного обидно. На кого же обижаться? На то, что мир устроен так несовершенно? Пройдут годы. Вспомнят и наше время. Вспомнят уже с новой точки зрения и без опаски сказать о плохом и хорошем. И без сомнения найдут немало плохого, немало несправедливостей...

Скромное желание: хотелось бы прожить ещё лет пятьдесят. А ещё бы интереснее было бы увидеть в календаре число 2000.

А ведь это желание, записанное в дневнике, осуществилось. Я уже живу в 2007 году. Жизнь движется вперёд гигантскими шагами. Наука и техника развиваются на глазах. Даже за ту короткую жизнь, которую я прожил, произошло столько интересного.

Я вспоминаю неуклюжие тархтящие грузовики на цельно-литых шинах с цепной передачей, заполняющие улицы бензиновым дымом. Старые „Рено“ и „Мерседес“. Я помню угловатые формы гидропланов с громадными поплавками, помню фанерный ящик с детектором - радиоприёмник системы Шапошникова, немые кинокартины и сколько ещё вещей, теперь уже отживших или отживающих свой век.

Я видел первые „Эмки“, первые лимузины „ЗИС-101“, первые звуковые и цветные кинокартины, первые телевизоры, троллейбусы и светофоры, аккордеоны и разрывы новейших дальнобойных снарядов; я слышал новейшие фокстроты и бой авиационных бомб.

Я читал прекраснейшие книги и видел несчастнейших людей.

Я видел людей, отворачивающих нос от первосортной пищи, и голодных, с животной жадностью грызущих пустую кошачью кость...

Я проходил по великолепным улицам и любовался бессмертными созданиями великих зодчих и был свидетелем варварского их уничтожения.

Какой контраст! Какая невиданная жестокость! Какой ужас! И всё это в XX веке, прославленном веке науки, техники и цивилизации!..

3 августа 1946 года я шёл в Сад без особого настроения. Чувствовалась какая-то усталость. Танцевать не хотелось. Мне просто нужно было увидеть Любу по вопросу карточек.

Я никогда не интересовался, где и кем работала Люба. Но, по всей вероятности, это было в Горисполкоме. И она имела какое-то отношение к продовольственным карточкам. Хорошо зная меня, она раз предложила мне сбыть несколько карточек, что я без труда и сделал.

При входе в Горсад я всё же взял билет на танцы. Дойдя до площадки, я решил сделать несколько кругов.

Вдруг я заметил перед собой одиноко слоняющегося Ваню. Он один, значит, Любы нет. Мне совсем не хотелось, чтобы он увидел меня и ещё вообразил, что я жду Любу. Потому я круто повернул на танцплощадку.

Первые танцы танцевать не стал - не видел подходящей пары. Потом пришла знакомая компания студентов. В их числе была и одна из окончивших в этом году школу девушек, дочь копейского врача Валя Павлова. Партнёрша моя оказалась не только очень хорошим танцором, но и замечательным собеседником.

Я танцевал с ней очень много. Остался вечером доволен. Девушка произвела на меня очень хорошее впечатление.

Позже пришла Люба. Я с ней поздоровался с площадки, но она заходить не стала. Ходила с каким-то молодым человеком и в конце-концов исчезла.

Не исключено, что с Любой мы встречались ещё и позже, но потом она внезапно в этом или в будущем 1947 году вышла замуж за военного - не то майора, не то полковника - и укатила с ним в Подмосковьё, где и проживала.

Как-то до меня донёсся слух, что она приезжала в гости в Копейск где-то в 70-х годах, но узнал я уже об этом после того, как она уехала и так мы больше с ней никогда не встречались. А жаль! Интересно было бы вспомнить молодые годы.

Какие бы они ни были, как бы их нам не покалечили и не поломали, а молодость прошла у нас здесь в Копейске и на танцах тоже, скромных и непритязательных под духовой оркестр в нашем приветливом Горсаду.

И потому, несмотря ни на что, короткая дружба с Любой была светлым пятном в хмурые послевоенные годы. Сколько лет были рядом, вместе. Ни с кем в жизни я столько не перетанцевал. Милая копейская девочка Любушка, которую я никогда не обнял и не поцеловал, хотя она этого так ждала, ждала...

Тупой глупый человек, воспитанный двумя старыми девами. А сколько любви и ласки мог я тогда получить от одной из тех великолепных девчонок, которые окружали меня. Беспросветно бездарный идеалист-ленинградец...

7 августа 1946 года я поместил в своём дневнике записи в ожидании тоскливой одинокой осени уже без Любы. Пора исканий - пожалуй, так можно озаглавить время, которое я переживал. Тогда пока бесплодных...

За окном почти весь день дождь - самая типичная осень. Картошка в поле - половина сгнила, вторая догнивает. Зима будет тяжёлой. Никак не дожидаться нормальной жизни.

Последние дни в Горсаду вечерами так холодно. Настроение создаётся просто осеннее. Нет никакого желания идти на танцы - после отъезда Любы из Копейска они для меня как-то поблекли и потеряли свою привлекательность из-за отсутствия постоянной партнёрши. Летний сезон окончен. Впереди снова длинная одинокая зима...

Однако через месяц меня ждало знакомство с удивительной Ирой Сорокиной...